

вой путь разрыва между личностью и массой»¹². Таким образом, не признавая «гордого человека», т. е. индивидуалиста, за идеал совершенства, Достоевский, фактически, является единомышленником Горького, который в своих произведениях не раз указывал на трагические последствия противопоставления личности коллективу.

Другая сторона этого вопроса — призыв к нравственному «самосовершенствованию» на основе христианского идеала. За него и ухватились сначала Д. Мережковский, затем «веховцы», стремясь оправдать отказ от политической борьбы с современным общественным устройством. Но именно о том, чтобы переделать мир, и мечтал Достоевский. Он видел в самосовершенствовании каждой отдельной личности путь к совершенствованию общества в целом. Конечно, идеалистичны и иллюзорны надежды Достоевского на то, что, став истинными христианами, господствующие классы добровольно уступят трудящимся свои привилегии. История показала, что «клик мира сего» может изменить только социалистическая революция. Тем не менее призыва к религиозному терпению в его словах «Смирись, гордый человек!» нет. Горький их слишком прямолинейно понял. Отсюда и резкость его суждений о нравственном идеале писателя.

Ранние статьи о Достоевском Луначарского и Горького свидетельствуют о том, что марксистская критика в первое десятилетие XX века еще не овладела методологией изучения его художественных произведений и публицистических выступлений. Метафизический, лишенный исторического и социального анализа подход к идеалу Достоевского привел к односторонности его оценки обоими критиками. Но их статьи продолжают занимать важное место в истории марксистского литературоведения, так как в них впервые было указано на то, что понять Достоевского можно, только очистив его идеи от буржуазно-идеалистических извращений.

¹ Горький А. М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 206.

² Луначарский А. В. Русский Фауст // Против идеализма. М., 1924. С. 12.

³ Литературное наследство. М., 1971. Т. 83. С. 173.

⁴ Горький А. М. Собр. соч. Т. 23. С. 352, 354, 355.

⁵ Овчаренко А. Публицистика М. Горького (1905—1907) // М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. М., 1957. С. 313—314.

⁶ Горький А. М. Собр. соч. Т. 23. С. 354.

⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 167.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 167.

⁹ Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи. СПб., 1909. С. 49.

¹⁰ Горький А. М. Собр. соч. Т. 24. С. 53.

¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 139.

¹² Фридлиндер Г. М. Достоевский и мировая литература. М., 1979. С. 28.

И. Т. ИЩЕНКО

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЦИТАТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Для сатирической поэтики Щедрина характерен прием употребления образных выражений не в прямом, а в переносном смысле. Одним из ярких примеров реализации этого приема является ироническое переосмысление писателем крылатых выражений и литературных цитат.

Произведения сатирика густо насыщены разнообразными афоризмами и цитатами. Это и евангельски-библейские афоризмы, и афористические изречения великих мыслителей прошлого, и крылатые латинские слова и выражения, и «освященные вековым опытом» русские пословицы и поговорки, и пародийные изречения Козьмы Пруткива, и сентенции и назидания «поденщиков» и «прихвостней современности» и мн. др. Особое место среди них занимают цитаты и реминисценции из произве-

дений Державина, Жуковского, Крылова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и других русских писателей и поэтов.

Литературные цитаты, вводимые сатириком в текст своих произведений, предельно лаконичны. По словесной структуре они очень близки к пословичным изречениям и афоризмам. Чаще всего это те стихотворные цитаты, которые вошли в речевой обиход и приобрели характер крылатых выражений. Используя крылатые слова и выражения из произведений других авторов, Щедрин видоизменял и переосмыслял их, придавая им новые функции. Включаясь в ткань сатирического повествования, они нередко приобретают новое, необычное значение, даже если текст их не подвергается никакому изменению. Перед смертью Дмитрий Самозванец в одноименной трагедии А. П. Сумарокова патетически восклицает: «Иди, душа, во ад и буди вечно пленна! Ах, есть ли бы со мной погибла вся вселенна!» Совершенно иной смысл в это изречение вкладывает Щедрин. Вот диалог законоучителя с ташкентцем приготовительного класса «палачом» Хмыловым:

— А нуте, кто из вас здесь дубиной прозывается? Вставай, дуб молодой, скажывай, что есть ад?

Хмылов вставал и без запинки отчеканивал:

— Карцер есть слово греческое, и означает место темное, преисполненное клопами, у дверей коего дремлет сторож Мазилка!

— Так, молодой дуб, так. Спасибо, хоть сам себе резолюцию прочитал... Иди ж, душа, во ад и буди вечно пленна... сиречь, изволь идти в карцер...¹

Литературные цитаты, крылатые слова и выражения интересуют Щедрина как один из приемов обрисовки человеческих характеров. Нужно при этом отметить, что в авторском тексте цитаты употребляются сравнительно редко и не играют сколько-нибудь существенной роли. Чаще всего писатель вводит их в прямую речь сатирических персонажей. В девятой главе «Недоконченных бесед» выведен в качестве эпизодического персонажа исправник. Он произносит всего лишь одну фразу, которая является стихотворной строкой. И эта лаконичная строка достаточно точно характеризует душевные «движения» и поступки героя: «Обрадовался исправник, взбежал на вышку и, вспомнив Пушкина, произнес: Отсель грозить мы будем шведу... И погрозил...» (XV, кн. 2, 277).

Е. И. Покусаев, характеризуя елейное красноречие Иудушки Головлева, отмечает, что он не ищет слова, а берет готовое чужое. Он пользуется определенным набором житейских формул, пустопорожних афоризмов и старозаветных поучений. «Поучения эти,— пишет сатирик,— имеют то достоинство, что они ко всякому случаю пригодны и даже не представляют собой последовательного сцепления мыслей... Они накапливаются в голове в виде отрывочных афоризмов и появляются на свет божий по мере того, как наползают на язык» (XIII, 119). То же можно сказать и о многих других сатирических персонажах Салтыкова. Для их речи характерно назойливое, многократное повторение слов, выражений и оборотов, лишенных всякой живой мысли.

Это, конечно, не значит, что все щедринские герои говорят одним и тем же языком. Нет, у каждого из них свой склад речи, своя «система фраз», своя «логика» суждений. Одни читают «Московские ведомости», «дабы... усвоить себе некоторые необходимые в красноречии обороты» (VIII, 17). Другие изучают латынь, для того чтобы «цитату в передовую статью подпустить» (XVI, кн. 1, 120). Третьи, напротив, прибегают «к славянским оборотам речи». Четвертые пересказывают то, что слышали от других, или повторяют то, что вычитали когда-то из школьных учебников и хрестоматий. Интересно в этой связи замечание Салтыкова в его «Круглом годе»: «В ушах раздается незаслуженное: фюить! и непременно все самые глупые романсы, все бесшабашнейшие метафоры, какими когда-либо украшались страницы русских хрестоматий,— всё так и ползет из всех захолустьев памяти. Тут и «ямщик лихой, он встал с

полночи», и «сабля моя стучала по верстовым столбам, как по частоколу» — все тут!» (XIII, 501).

У Щедрина почти нет ни одного героя, который не стремился бы украсить свою речь тем или иным афоризмом. Иногда целый эпизод, сцена, диалог строится на заостренно-пародийном использовании афористических изречений и цитат. В таком духе выдержан и проект «О необходимости децентрализации», сочиненный отставным корнетом Петром Толстолобовым («Дневник провинциала в Петербурге»). Здесь очень ярко проявляется комическое несоответствие между мнимой значительностью героя, его претензиями на образованность, философскую глубину мыслей и его реальной ничтожностью, его внутренней пустотой. Подобно Козьме Пруткову, Толстолобов часто ссылается на взгляды и мнения великих людей. «Токевиль выражается о сем прямо: «Централизация есть зло». Монтескье, подтверждая сие мнение, прибавляет: «Зло, с трудом поправимое даже деспотизмом». Наконец, английский писатель Джон Стюарт выражается так: «Централизация есть остаток варварства» (X, 328). «Токевиль говорит: «Бесполезное тиранство никогда пользы принести не может» (X, 329). «Известный криминалист Сергей Баршев говорит: «Ничто так не спасительно, как штраф, своевременно налагаемый, и ничто так не вредно, как безнаказанность» (X, 330). И тут же в подстрочном примечании автор «Дневника» добавляет: «Напрасно мы стали бы искать этой цитаты в сочинениях ректора Московского университета. Эта цитата, равно как и ссылки на Токевиля, Монтескье и проч. сделаны отставным корнетом Толстолобовым, очевидно, со слов других отставных же корнетов, наслышавшихся о том, в свою очередь, в земских собраниях» (X, 330).

Или вот небольшой отрывок из второй главы «Господ Головлевых», построенный в форме диалога девочек-подростков. Содержание его почти полностью основано на цитатах из Псалтыри.

«...Бог есть дух, невидимый...— спешит блеснуть своими познаниями Аннинька.

— Его же никто не виде нигде же,— перебивает Любинька.

— Всевидящий, всеблагий, всемогущий, вездесущий,— продолжает Аннинька.

— Камо пойду от духа твоего и от лица твоего камо бежу? Аще възду на небо — тамо еси, аще сниду во ад — тамо еси...» (XIII, 80).

Остановимся подробнее на цитатах из сочинений Г. Р. Державина. В «Помпадурах и помпадуршах» старый губернатор, уходящий в отставку, обращаясь к «своим друзьям», говорит: «По выражению старика Державина, «Я истину царям с улыбкой говорил»... Ну и почтен был за это в свое время... А нынче, друзья мои, этого не любят! Нынче нашего брата, фрондера, за ушко да на солнышко... за истину-то!» (VIII, 30).

В «Гурбернских очерках» чиновник Перегоренский «для подкрепления угасающих сил» нередко прибегал к спиртным напиткам. Он говорил о себе: «Я был на службе — и выгнан! Я служил честно — и вот предстою нищ и убог!.. За что же терпел я?.. Не за то ли, что... ненавидел ложь и истину царям с улыбкой говорил!» (II, 42).

Начальная строка державинского стихотворения «Гром победы раздавайся» превращается под пером сатирика в формулу разоблачения лжепатриотизма правящей верхушки общества. В «Убежище Монрепо», рисуя идеологов и вдохновителей крепостнической реакции, Щедрин писал: «Есть люди... которые мертвыми дланями стучат в мертвые перси, которые суконным языком выкликают: «Звон победы раздавайся!» — и зияющими впадинами, вместо глаз, выглядывают окрест: кто не стучит в перси и не выкликает вместе с ними?» (XIII, 334).

Иронический обличительный смысл приобретают и такие стихотворные строки Г. Р. Державина: «Запасшися крестьянин хлебом, / Ест добры щи и пиво пьет». В пореформенных условиях, когда, по словам сатирика, русский мужик питался лебедой, пустыми щами и почти никогда не видел мяса, эта формула звучала предельно иронически. Именно в таком смысле употребляется она и в «Письмах к тетеньке»: «Ах, тетенька, какое это волшебное время было! Вообразите, тогда можно было

поросенка под хреном на постоялом дворе достать! А если верить старику Державину, то можно было видеть мужика, который у всех на глазах «ел добры щи и пиво пил!» Ведь это, по-нынешнему, все равно, што шпаги глотать!» (XIV, 327).

В «Современной идиллии» рассказчик, обращаясь к Глумову, патетически восклицает: «Да, брат, был такой крестьянин!.. представь себе. Было! Все было!.. и «добры щи были!» (XV, кн. 1, 14). Здесь сатирик высмеивает тех, кто, подобно славянофилам, идеализировал народный быт и приукрашивал действительное положение пореформенного крестьянства.

Это же изречение, но уже вполне серьезно, без всякой иронии, используется в «Убежище Монрепо» помещиком Прогореловым. Лаконичная, афористически сжатая формула Державина превращается в речи помещика в развернутое публицистическое рассуждение о судьбах русского крестьянства. По мнению Прогорелова, для подлинного обновления жизни «нужно очень немного, а именно: чтобы мужик русский, говоря стихами Державина, «ел добры щи и пиво пил». Затем все остальное приложится. Если это есть — значит, у мужика земля приносит плод сторицею. Если это есть — значит, страна кипит млеком и медом... Если это есть — значит, деревни в изобилии снабжены школами, и мужик воистину познал, что учение свет, а неучение — тьма... Вот сколько отличнейших представлений заключает в себе такой простой факт, как общедоступность «добрых щей» (XII, 336).

В речи Прогорелова, несмотря на некоторую ее витиеватость, выражается мнение самого сатирика. Еще в «Письмах о провинции», говоря о жизни деревенского труженика, о его материальной и духовной нищете, Салтыков писал: «несправедливо и едва ли даже возможно ожидать, чтобы бедность духовная была побеждена прежде, нежели будет побеждена бедность материальная» (VII, 249).

Салтыков-Щедрин неоднократно обращался к изречению Державина из оды «На смерть князя Мещерского»: «А завтра — где ты, человек?» В большинстве случаев эти слова употребляются вполне серьезно, без какой-либо иронии. Так, в «Круглом годе» читаем: «Сейчас мы здесь сидим, черт знает, что едим, «а завтра — где ты, человек?» Так-то, мой друг! Всё в сей юдоли плача — эпизод» (XIII, 475). Или вот, например, рассуждения Степана Головлева на ту же тему: «Был человек — и нет его! Так-то вот и все на этом свете! Сегодня ты и сыт и пьян, живешь в свое удовольствие, трубочку покуриваешь... А завтра — где ты, человек?» (XII, 26).

Позднее, в «Современной идиллии», Щедрин снова повторяет эту цитату, но здесь она звучит совсем по-иному, используется для сатирической характеристики странствующего полководца Редеди: «Когда Глумов высказал догадку, что, кажется, древние печенеги обитали на низовьях Днепра и Дона, то Редедя только рукой махнул, как бы говоря: обитали! мало ли кто обитал! Сегодня ты обитаешь, а завтра — где ты, человек!» (XV, кн. 1, 121).

Той же цели служит и частое обращение сатирика к цитатам из Карамзина. Щедрин хорошо знал его сочинения и «не раз, но почти всегда сатирически, цитировал их в своих произведениях»². Так, в «Испорченных детях» вдова действительного статского советника Катерина Павловна Младо-Сморчковская, вспоминая свое институтское прошлое, приводит фразу из «Истории» Карамзина: «Разграбив имущество, предав селения в жертву пламени, уничтожив пажити и надругавшись над женами и девами, они (печенеги) возвращались восвояси, обремененные добычею». В таком же духе описываются и грабительские подвиги ее мужа, который, будучи градоначальником, «ходил в походы» против бунтовщиков и недоимщиков и, подобно печенегам, «из каждого похода возвращался обремененный добычею» (VII, 362).

Приведем пример, дающий наглядное представление о характере сатирического переосмысления Щедринным «свидетельств истории». В «Ис-

тории государства Российского» Карамзин характеризует киевского князя Святослава как мужественного и сурового воина, проявлявшего удивительную стойкость на полях сражений и выносливость во время походов. «Сей князь... суровую жизнь... укреплял себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненастье северного климата; не знал шатра и спал под открытым небом; войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло — изголовьем»³. Гротескно-пародийный смысл приобретает использование сатириком эпизодов из личной жизни князя-воина в описании личной жизни глуповского градоначальника Угрюм-Бурчеева («История одного города»): «Он спал на голой земле, и только в сильные морозы позволял себе укрыться на пожарном сеновале; вместо подушки клал под голову камень... ел лошадиное мясо и свободно пережевывал воловьши жилы» (VIII, 401).

Очень часто писатель сопровождает ту или иную крылатую цитату ироническим, нередко афористичным комментарием. Так, пародийно перифразируя выражение из басни И. А. Крылова «Навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно», сатирик пишет: «Только безумцы могут отыскивать жемчужное зерно в навозе, мудрый же довольствуется и овсяным зерном. Притом же и правительство одобряет, дабы никто жемчужного зерна не искал» (X, 229—230).

В «Детях Москвы», иронически комментируя строки из «Медного всадника» А. С. Пушкина «в Европу прорубить окно», Щедрин создает сатирическую формулу, характеризующую реакционную сущность царской цензуры. Он пишет: «В сущности, что такое Петербург? — Тот же сын Москвы, с той только особенностью, что имеет форму окна в Европу, вырезанную цензурными ножницами» (XII, 395). Это же изречение позднее писатель использует и в рассказе «Похороны».

Литературные цитаты не могут быть верно поняты и осмыслены вне их связи с идейно-образным содержанием произведения. Свой конкретный смысл они получают только в контексте, в определенной художественной системе. Вступая в сложное взаимодействие с другими стиливыми элементами, они приобретают новые функции, новую экспрессивно-смысловую окраску.

В поэтике сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина литературные цитаты выполняют различные стиливые функции. Если, например, в прозе Пушкина они используются главным образом в качестве эпиграфов, то у Салтыкова сфера их применения значительно шире и разнообразнее. В одних случаях они используются как способ обрисовки персонажей, в других — как прием сатирического иносказания. Нередко цитатный материал служит писателю только отправным пунктом, исходной «моделью» для создания новых эзоповских формул, метких сатирических определений и характеристик.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965—1977. Т. X. С. 125. В дальнейшем все цитаты из сочинений Салтыкова-Щедрина даются по этому изданию с указанием в тексте статьи (в скобках) тома и страницы.

² Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов. Биография. М., 1972. С. 299.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб. 1851, Т. I. С. 172.

В. В. НЕФЕДОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МАСТЕРСТВА И. А. БУНИНА-ПРОЗАИКА

И. А. Бунин был на редкость энергичным противником безвкусицы, художнического выдумывания. Жесткое правило Бунина: использовать слова, поэтические формы только для того, чтобы раскрыть тему, наиболее полно выразить себя. С флюберовским энтузиазмом он говорил: «Мне хочется писать без всякой формы, не согласуясь ни с какими литера-